Анна Галанжина
сто часов
счастья...
16+

Анна Игнатьевна Галанжина

Сто часов счастья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67806729
SelfPub; 2022

Аннотация

…Женским чутьем понимала, что вот она та любовь, которую ждут всю жизнь – бери, радуйся, но радости почему-то не было. Она так привыкла к ничему не обязывающим отношениям, к ничего не значащим словам, что оказалась совсем не готовой принять сильное серьезное чувство. Лида не очень верила, что так можно влюбиться с первого взгляда. Ей было жаль его, и другого чувства сейчас у неё не было. Как ни странно, но она была благодарна ему за тот первый их вечер в свете серебряной луны, он уже не вызывал возмущения, а, наоборот, утверждал в ней для неё же самой: она женщина, и её желал мужчина, гордый и самолюбивый…

Анна Галанжина
Сто часов счастья

На кухне столовой №2 царила привычная предобеденная суматоха. На раздаче вызывающе гремела кастрюлями Наталья; в кондитерском цеху суетилась повар-кондитер Танька, по прозвищу «Булка». Её высоченный накрахмаленный марлевый колпак чудом держался на голове, покачиваясь из стороны в сторону. В мясном цеху выводила свои романсы Мари Ванна. Прибывшая недавно на практику из кулинарного техникума Катюша жарила аппетитные блинчики. Сновали между цехами бригадир и зав. производством, проверяя, всё ли в порядке, готова ли смена накормить людей вкусно и полезно. Шёл последний день декады русской кухни – «Масленица». Сквозь большие окна проглядывало хмурое небо. Свинцовые тучи медленно скользили по небосводу, словно решая для себя, чем пролиться, дождём или снегом. Снега почти не осталось, лишь кое-где, на крышах, можно было увидеть его маленькие, осевшие островки, да ещё в укромных уголках, куда не добирались редкие лучи солнца.

– Девчата, а ведь сегодня первый день весны, – отметила бригадир. – Правда, весной что-то не пахнет.

– Так оно и зимой не пахнет, – донёсся голос из кондитерского цеха. Танька никогда не оставляла заданного разговора без внимания. – Вот вам и Масленица, вот вам и Декада

русской кухни! Масленица со снегом должна быть, а тут снега днём с огнем не сыскать.

– Ну, что Бог даст. Наше дело провести эту декаду так, чтобы людям и начальству угодить, тем более сегодня последний день.

– Не, – поправила Танька, – сначала надо начальству угодить, а потом людям. Людям всё равно не угодишь, а начальству можно.

С раздачи послышался раздражённый голос Наташки:

– Вот счас начальство явится, а у меня котлеты на раздаче отсутствуют, угодите вы тогда и начальству и клиентам… Та, старая карга, – она кивнула в сторону мясного цеха – всё романсы выводит, ни одного противня с полуфабрикатами не принесла, а их еще жарить нужно…

– Мари Ванна, хватит вопить, котлеты несите! До открытия осталось совсем ничего! Алла Пугачёва, блин!

Уютно пыхтел титан с горячей водой. С посудомоечной доносился заразительный смех.

И только Лида Маркова казалась безучастной к происходящему. Помешивая неторопливо в двадцати литровой кастрюле шумовкой суп, по названию «Полевой», задумчиво улыбалась чему-то своему, пока её не задела локтем проплывающая мимо Мари Ванна с полуфабрикатами сырых котлет, покоящихся на противень.

– Дремлешь? – пропела она, – Сдаётся мне, ночка тёмная была? Я в цель попала?

Ответить Лида не успела. Марь Ванна страдала какой-то таинственной болезнью, в простонародье называемой «слоновья», и была необъятных размеров. Толстые, словно сардельки пальцы рук, как пушинку держали противень.

– Разойдись, дорогу, дорогу! – монотонным голосом выводила она.

Однажды Мари Ванна поскользнулась на мокром полу, грохнувшись вместе с котлетами. Чтобы поднять её, пришлось звать с улицы мужчин. Такой же прецедент случился несколько дней назад, когда она столкнулась с неожиданно выскочившим из-за дверей директором горторга, решившим проявить бдительность и, нагрянув, неожиданно поймать кого-нибудь с поличным. Как её поднимали, это отдельный разговор, только директор больше не делает таких сюрпризов, а остальные расступаются, едва она появляется.

– Если бы не я, – горделиво пела Мари Ванна, вас бы маклавох давно поразогнали за воровство – цените. И её ценили за доброту и ядовитый юмор, одинаково комфортно уживавшихся в ней. И никто, кроме Наташки, на неё не обижался. Что уже там произошло, неизвестно, но с некоторых пор между ними «пробежала кошка». На кухне терялись в догадках.

– На котлеты, Брижит Бардо. Я тебе не Майя Плисецкая вприпрыжку бежать. Ставь в шкаф и не стреляй в меня гла-

зами, у тебя пуль на меня не хватит.

– Работать надо, а не романсы распевать, – огрызнулась Натка. – Артистка с погорелого театра, слушать тошно. Чего тут трётесь, будто без вас некому котлеты лепить. Сидели б себе на пенсии и голосили свои песни, все хапаете, все мало вам.

– Ты своё вовремя делай, а я как-нибудь без твоих советов обойдусь. Молодая ещё меня учить. Закрой рот. Наградил же господь ротешником, семерым нес, а одной тебе достался.

– Ну всё, завелась.

Лида закрыла кастрюлю, повесила на бортик шумовку и принялась тихонько сдвигать кастрюлю на край плиты.

«И чего Наташка с ней грызётся, промолчи – и вопрос был бы решён».

– Ну как хахаль? –задела Лиду Марь Ванна, проплывая обратно, – Вижу, хорош! Ты словно с Луны свалилась, ходишь, как по краю крыши и лыбишься.

Лида в ответ показала большой палец, подтверждая её догадки.

– Молодчина, дивчина, так держать! Молодость раз даётся, а не будешь с мужиками любиться, станешь как губошлепая Наташка. Вон до сих пор гавкает, всё достать меня не может. Хоть бы нашёлся какой да прижал её к забору, а то разорвёт бабу от неудовлетворённости.

Она проплыла в свою вотчину «катать» котлеты. «Катала» она их настолько ловко и изящно, что Лида только диву да-

валась.

– Лид, не стой столбом, понесли суп на раздачу.

Это появилась зав. производством Лилька. Они подхватили кастрюлю и потащили к Наташке, которая всё ещё продолжала ругаться с ушедшей Мари Ванной.

– Вот тебе первое – супчик «Полевой». – Лиля пыталась переключить Натку на другую тему. – Можно и народ запускать. Лидусь, сбегай, дверь открой, слышишь, как тарабанят!

– А котлеты ещё не готовы, – взвизгнула Наташка. – Карга старая не хочет шевелиться, а мне из-за неё влетит!

– Да брось ты, Натка, она и так, бедная, с трудом ходит, чего беснуешься? Не бойся, тебе не влетит, я на себя вину возьму. Иди, Лида, иди, а я в кондитерскую загляну за булками.

– А чего за ними идти, – послышался голос, – вот они, красавицы.

В проёме кондитерской появилось весёлое лицо Таньки, перед собой она держала поднос с аппетитными румяными булками.

– И правда, сегодня они у тебя красивые, – Лиля взяла одну с подноса. – Может ещё и вкусные?

– Обижаешь, начальник, – Танька состроила рожицу. – Меня Колюнька мой сегодня целую ночь любил, а опосля этого дела булки у меня всегда обалденные выходят.

Девчата разразились хохотом.

– Лид, ты ещё не ушла? Быстро открывай дверь, – сквозь смех проговорила Лиля, – да становись кур на порционные куски рубить.

Рубить кур Лиде нравилось. Работа чисто механическая, можно думать и мечтать о чём хочешь, а это ей сегодня просто необходимо, и настроение к тому располагает.

У двери уже собралась толпа рабочих и студентов. Они с возмущением дергали запертую дверь.

– Ишь, как изголодались, бедняги.

Она едва успела отодвинуть задвижку, как толпа распахнула дверь, едва не сбив Лиду с ног.

– Убьёте, черти полосатые!

Но её крика никто не услышал.

Лязг железных подносов, переругивающиеся голоса слились в единый гул. Вздохнув, Лида пошла выполнять задание.

Вася, Василий… С таким именем у неё парня ещё не было. Честно говоря, она пошла с ним только потому, что очередной её кавалер, курсантик военного училища Женечка, уехал на каникулы домой. Собственно, она не считала себя его девушкой, Женечка её не увлекал, он был такой старательно-положительный, что иногда хотелось прогнать. Но она не прогоняла. Наглые надоели, а с Женечкой комфортно. Он ничего не требовал, довольствовался тем, что она рядом.

Василий возник в её жизни неожиданно: его привела в столовую Любка, с которой Лида вместе снимала квартиру. Оказалось, Генка, с которым она встречалась, его брат. Василий в настоящее время служил в армии, просто сейчас находился в отпуске.

Заканчивалась «декада русской кухни», или просто Масленица, вот и пришли они отведать блинов. Зал, разукрашенный зазывными плакатами, вышитыми полотенцами, самоварами, в стиле деревенской избы, выглядел празднично и нарядно. Народу было много, все весело суетились, набирая блинов с различной начинкой, румяных булочек и пирожков. За столиками мужчины украдкой разливали по стаканам алкогольные напитки. Было смешно наблюдать, как взрослые люди, пряча бутылку и озираясь по сторонам, пьют вино под видом компота.

Лида как раз ставила на раздачу порубленные порционные куски кур, когда её окликнула Любка.

– Подойдешь к нам, как освободишься?

Лида кивнула головой.

Рядом с Генкой стоял невысокий, но очень симпатичный парень, совсем не похожий на своего брата.

«Это, видимо, и есть тот самый Василий, про которого Любка все уши мне прожужжала», – мелькнуло в голове. Красивый, только невысокий.

Она любила высоких парней, с ними чувствуешь себя уютно, как под крылышком, да и каблуки всегда носить можно,

тоже немаловажная вещь. Невысокие ребята её не привлекали. Классика – когда парень выше тебя на голову, так считали все девчонки. Конечно, это в идеале встречались и с «маленькими» и с «большими»… Не без того, но всё же…

Она шла к ним, петляя между столиками, и чувствовала, как её рассматривают мужчины. Лида привыкла, что на неё смотрят. Красавицей себя не считала, но незамеченной никогда не была. Худенькая, со стройными ногами и красивой грудью. Чего ещё девушке нужно? Свободная поварская куртка, надетая прямо на голое тело, не скрывала, а совсем наоборот давала возможность во всей красе показать все достоинства. Куртка и юбка почти одной длины; юбка, лишь на пару сантиметров ниже. Создавалось такое впечатление, что она совсем без неё. Выглядит вызывающе, но очень эффектно. Это особенно раздражало кассиршу Ларису Альбертовну. Она просто выходила из себя, если Лида появлялась в таком виде в обеденном зале.

– Лидуся, деточка, ты юбочку не забыла надеть? – сладким голосом пела она. – А то я смотрю, тут какая-то тряпочка из-под куртки торчит, может, думаю, сорочка, так ты ж её в глаза не видела, не то, чтобы носить. Постыдилась бы, под курткой, кроме лифчика и тряпочки, называемой юбкой ничего нет.

Лида лишь усмехалась. В молодости Лариса Альбертовна слыла красавицей, теперь вот завидует всем молодым и кра-

сивым. Ей, конечно, хорошо; она сидит в зале, в прохладе. А куда Лиде деваться, возле плиты день постоишь – сто потов сойдет. Подумаешь, раз в год в зал выйдет, никто ж в обморок не грохнулся…

С высоко поднятой головой она продефилировала мимо кассы, покачивая накрахмаленным колпаком. Вот и столик, за которым сидела компания. Лида придвинула к себе свободный стул. Они перекинулись с Любкой и её женихом парой слов.

– Познакомься, это – Вася, брат моего Гены. – А это наша Лида, – повернулась она к Василию.

В ответ тот слегка кивнул головой и стрельнул по ней черными, как уголья глазами. «Ишь гордый, какой, как будто не молодая красивая девушка сидит напротив, а старая бабка. – Ей стало даже немного обидно, за такое не внимание к своей персоне.– «Невежа».

Она поболтала немножко с Любкой и Геной и поднялась.

– Пойду, работы много. Да и нельзя мне в спецодежде в зал выходить.

Скосила глаза на Василия, невозмутимо попивавшего компот, но он словно не замечал ее. «Ну и пожалуйста, и не больно ты мне нужен, у меня таких хоть пруд пруди», – высокомерно подумала Лида. Она шла через зал и спинным мозгом чувствовала сверлящий взгляд его черных глаз. «Ага, все-таки заметил, – усмехнулась она. – А то!»

День прошел в обычной суете. Она даже забыла о нем, просто выбросила из головы – мало ли с кем приходится общаться. Только где-то внутри осело чувство досады. Как, оказывается, она ошибалась, считая, что может нравится исключительно всем. Вот тебе и наука, не надо быть слишком самоуверенной!

Когда после работы она пришла домой, в комнате сидела та же троица и попивала чай. На столе стояла початая бутылка вина «Портвейн» и печенье. Лида достала из сумки котлеты, булочки и присоединилась к компании.

Василий наполнил рюмку вином, подал ей:

– Выпьем за знакомство!

Он с усмешкой, в упор посмотрел на неё черными, манящими и одновременно пугающими глазами. Лида, как под гипнозом, взяла рюмку, слегка коснувшись пальцами его ладони. Легкий ток пробежал по руке. Или ей просто показалось?

Василий поднес рюмку к губам, продолжая смотреть не отрываясь:

– Так ты не против?

– Ты посмотри на них, про нас забыли! – прозвучал возмущенный голос Любки. – Мы тоже хотим выпить. Вот нахалы! Ген, твой брат раньше таким не был. Видно, наша Лидуся ему приглянулась. А скажи, – пристала она к Василию, – хороша девка? Чего молчишь, как истукан?

Василий отвел глаза от Лиды.

– Девки все хорошие, – глубокомысленно заявил он, – откуда только бабы плохие бывают.

– ТЮ…посмотрите на него! Говоришь так, словно у тебя девок было пруд пруди…

– Так я тебе и сказал…

– Да ну тебя, – протянула обиженно Любка, – с тобой неинтересно.

– Отстань ты от него, – вступился за брата Генка. – Он у нас парень скромный, мальчик ещё, не смущай хлопца…

«Как в кино, – улыбнулась Лида. – Да, Генкин братец в него не удался: молчит, как в рот воды набрал. То ли одичал в армии, то ли язык проглотил от моей красоты. Прямо интересно, что за человек такой, может, у него кто есть, или он женоненавистник? Другой бы тут комплиментами засыпал, а этот молчит». Лида понимала, что весь этот спектакль разыгрывается для неё. Ребята решили их познакомить. Ей стало неловко, словно ее «горбатую и ущербную» сватают за принца.

– Сколько можно вино держать, закипит! – Любка чмокнула улыбающегося Генку в темечко. – Давай с тобой выпьем, мой котик, ну их, этих заторможенных. Пусть себе сидят…

«Выпью,– решила Лида, – ну их всех, с их Василием…У меня Женечка есть – хороший мальчик, любит меня и лелеет». Она опрокинула рюмку.

– Не фига себе, Лид, ну ты даёшь, даже не чокнулась с

нами!? – возмутилась подруга. Лида растерянно посмотрела на пустую рюмку, повертела её в руке.

– Так, Василий, наливай штрафную.

– Нет, пить я больше не буду, захмелею, спать захочется…

– Какой спать?! А кто Василия развлекать будет? Не бойся, мы тебе спать не дадим, все будет нормально, а то выпила, не чокнулась. Не чокаться плохая примета, мы ж не на похоронах…

Вздохнув, Лида отпила немного вина. Вино разлилось по всему телу и почему-то ударило в руки и ноги. Они стали словно ватные

Она вообще не жаловала выпивку и редко принимала участие в гулянках. Даже на работе её не уговаривали выпить, зная, что бесполезно. А сегодня она делала всё вопреки себе. Этот парень определенно действовал на неё не лучшим образом.

– Слушайте, долго я вас тут развлекать буду? – Любка уставилась на молчавшую Лиду. – Я с ними и так, и сяк, а они словно неживые… Да ну вас… Ген, пошли ко мне за занавесочку, оставим молодежь, может они нас стесняются?

Генка, словно теленок, послушно пошел за Любкой, напоследок глубокомысленно подмигнув им.

За столом повисло тягостное молчание. Лида крутила в руке рюмку с недопитым вином. Ей тоже захотелось забраться за свою занавесочку и утонуть в объятиях Морфея, но оставить Василия в одиночестве она не решилась.

– Давай выпьем за наше знакомство, – вновь предложил он.

– Мы, кажется, уже пили?

– Ну и что? Выпьем ещё раз. Или у тебя другой тост есть?

Лида пожала плечами.

– Ну так что…?

Она вздохнула, чокнулась с ним, немножко отпила и отставила вино в сторону.

Из-за занавески доносился сдавленный смех Любки, шуршание одежды и скрип кровати. Лиде стало неловко.

– Жарко что-то, пойду на воздух.

Она поднялась и направилась на выход. Василий последовал за ней.

Голова кружилась, ноги подкашивались, но Лида старалась не показать, что опьянела.

Накинув на себя в коридоре чью-то куртку и шапку, вышла, не глядя на Василия.

Мартовский вечер, тихий и теплый, мало напоминал Масленицу, да и снега вокруг почти не было, так, кое-где, по закоулкам. Луна тусклым фонарем освещала серый пейзаж, и под её мутным светом деревья, приобретая причудливые формы, казались таинственными. А может, ей это только показалось? И всё было как обычно, а выпитое вино и красивый парень создавали иллюзию таинственности? Они стояли у ворот на совершенно пустынной улице. Легкий морозец освежал захмелевшую голову.

– Пойдем, погуляем! – Василий поправил воротник на куртке. – Чего стоять, мерзнуть! Я за пять дней так и не прогулялся по улицам города, все по хатам, да по хатам. То у бабушки, то у тетки, то с друзьями. Пойдем?

– Поздно уже, да и спать хочется, устала, как собака, – прикрыла зевок рукой Лида

– Ладно тебе, отоспишься ещё. У тебя ж завтра выходной. – Он потянул её за рукав.– Когда придется погулять с красивой девушкой. Еще целых четыре месяца торчать в казарме.

Лида с сожалением посмотрела на него.

– Ну, если тебе так хочется, – неуверенно протянула она. – Только чуть-чуть, хорошо?

Василий согласно закивал головой.

–Тогда нужно переодеться, не могу ж я в таком виде гулять?

– Вполне чудесный вид, – не согласился он с ней,видимо, предчувствуя, что если Лиду отпустить, то ясно, что гулять ее уже не вытащишь.

Лида представила себя со стороны: старая куртка, в которой они по очереди с девчонками ходили в лес или на сельхоз работы, идиотская вязаная шапочка… Еще тот видок.

«Ну и черт с ним, – решила она, – мне ж детей с ним не крестить. Нравится, пусть смотрит. Немножко пройдусь, чего не угодить человеку, да и Любке с Генкой мешать не хо-

чется».

Но немножко у них не получилось. Они неторопливо шли пустынными улицами и скоро вышли на окраину города. Говорила в основном Лида, он больше молчал, изредка бросая реплики да поблескивая угольными глазами, кидал на неё пристальный взгляд.

Она шла и пыталась понять: «Куда меня несет? И чего я с ним иду? Я ведь его совсем не знаю?»

Обычно с парнями у Лиды не было проблем, она быстро находила с ними общий язык, с этим было как-то неуютно, напряженно. Что-то мешало ей трепаться и хохотать, как она обычно делала. Его пронизывающий взгляд словно гипнотизировал. Она не могла найти нужных слов, самоуверенность её улетучилась, а с ней и хмель. Когда подошли к мосту через речку, Лида в нерешительности остановилась. С реки тянуло холодом и сыростью. Лёд ещё крепко держался за берега. Небольшими участками чернели подтаявшие полыньи, и было жутковато смотреть в их могильную черноту. Мимо пронесся запоздалый мотоциклист, нарушив густую тишину «выстрелами» выхлопной трубы. «Еще один ненормальный с гулянки возвращается. Ему хорошо, он домой понесся…»

–Пойдем обратно, поздно уже, да и забрались далеко, пора возвращаться, – Лида зябко передёрнула плечами.

Как будто не услышав, Василий предложил:

– Пойдем на ту сторону. Или ты боишься?

В том, что она его боится, признаваться не хотелось.

– А почему я должна тебя бояться? – пожала Лида плечами.

– Я так соскучился по городу, по речке, лесу. Смотри, какая красота вокруг, тишина, никого нет …

«Вот именно, что никого нет, и я тебя начинаю бояться. Может, ты маньяк какой-то, заведёшь в лес, изнасилуешь и убьешь», – промелькнуло в голове.

– Ты замёрзла? Давай я тебя погрею.

– Нет! – почему-то испугалась Лида. – Так немножко продрогла.

– Ну, если не хочешь, ч тоб я тебя согрел, тогда давай побежим и согреемся.

Он потянул её за руку. Лида попыталась упереться, но у неё ничего не вышло. Василий засмеялся, притянул её к себе и подхватил на руки.

– Не хочешь ножками идти, на ручках понесём.

– Уронишь, сумасшедший, отпусти!

Но Василий и не собирался отпускать, а побежал, и ей пришлось обхватить его шею руками, чтобы не упасть.

– О-го-го, го-го! Здравствуй, речка, здравствуй, мост, здравствуй мой любимый город! – закричал он, кружась вместе с Лидой.

«Ну и переходики у него, – оторопела Лида – то молчит, как сыч, то орёт, как сумасшедший».

– Пусти! – она отчаянно замолотила ногами.

Василий, словно не замечая её попыток освободиться,

продолжал кружить и смеяться.

– Пусти же, наконец! Ну, хватит! – Лидиному возмущению не было предела.

Шапочка слетела с головы, освободив из плена волосы.

– Ой! Шапочка упала, шапочка! Мы потеряли шапку! Это не моя шапка, а Любкина. Она меня прибьёт!

Василий остановился. То ли ему стало жалко шапочку, то ли просто устал от её сопротивления. Он освободил Лиду, но объятий не разжал. Его глаза с сумасшедшей смешинкой обдали Лиду жаром, руки сомкнулись замком на талии. Она закрыла глаза, сердце бешено заколотилось, закружилась голова.

– Колдун, точно колдун!

– Вот придём на ту сторону моста, – рассмеялся он,– там густой, тёмный лес, и там я тебя съем! Ну, говори – боишься меня, да?!

– Пусти, увидит кто, – вяло попросила Лида.

– Ну и пусть смотрят и завидуют, что я обнимаю красивую девушку. Да и кто увидит-то, кругом ни души!

«Понесла меня нелёгкая», – запоздало раскаялась Лида.

Это был первый случай в её жизни, когда она не могла повлиять на парня, отчетливо понимая, что ничем его не проймёшь. Ей самой было невдомек, отчего она противилась ему, отчего не хотела разделить с ним его хорошее настроение? Может, оттого что он такой настырный и самоуверенный?

Она попыталась упереться кулачками в его грудь, но он

только сильнее стал прижимать ее к себе. «Господи, не руки, а клещи! Как чувствовала, что добром это не кончится. Хоть бы кто прошел мимо или проехал!» Ей казалось, что они стоят так целую вечность.

– Пусти, больно! – осторожно попросила Лида. – Я тебя очень прошу – не надо. Давай вернемся домой, хорошо? Мне холодно, простыну – заболею! – Как маленького, уговаривала его Лида, чувствуя, что ещё немножко, и разревется от собственного бессилия.

Но Василий уже искал губами её губы. Пытаясь увернуться, она уткнулась лбом ему в подбородок. Всё, что происходило с ней сейчас, не было похоже на отношения с другими парнями: там Лида чувствовала себя хозяйкой положения, сейчас же она была жертвой. И хотя понимала, что сопротивление ещё больше его распаляет, продолжала сопротивляться. За борьбой Лида не сразу почувствовала, что что-то упирается ей в бедро. От неожиданности она испуганно вздрогнула, резко дернулась в сторону. Предательски задрожали колени, гулкие удары сердца закладывали уши. Василий прерывисто дышал, его руки взлохмачивали ей волосы.

«Ну вот, доигралась…»

Его возбужденное напряжение не на шутку испугало девушку. Страх пронзил все тело.

Она всхлипнула и, судорожно сглотнув застрявший в горле ком, приготовилась к дальнейшему сопротивлению.

Видимо, поняв, что переиграл, Василий ослабил объятия

и уткнулся лицом в её волосы.

– Прости, я не хотел тебя обидеть, – прозвучало над ухом.

– Господи, хоть хватило ума попросить прощения, – с облегчением вздохнула девушка.

– По тебе не скажешь, что ты скромница… Мне показалось …

– Когда кажется, креститься надо, – дрожащим голосом проговорила Лида. – Внешний вид часто обманчив бывает.

– Я так понял, что ты ещё девушка?

– А для тебя это так важно? – Вопросом ответила ему Лида. – Да и зачем тебе знать, я ж за тебя замуж не собираюсь.

– А я как раз, наоборот, собираюсь на тебе жениться.

– А… так это ты мне так предложение делал, а я то, глупая, не поняла, – съехидничала Лида. Это что, новый метод?

– Это проверенный метод…

– И часто ты его применяешь?

Он не ответил, лишь усмехнулся.

– Постой, я шапку поищу.

Оставшись одна, Лида подошла к перилам моста и облокотилась на них. Глупая борьба измотала, глаза, в который раз за вечер, наполнились слезами. Только сейчас она поняла, что сильно продрогла. Старая куртка плохо грела, коленки в тоненьких колготочках замерзли и ничего не чувствовали. Глухая, пугающая тишина стояла вокруг. Огромный диск луны, размытый бесформенными облаками, светился

мутным светом, и от этого всё вокруг казалось нереальным, фантастическим. Где-то под мостом чуть слышно журчала вода. Появился легкий ветерок. «Только бы не заболеть!» Ей стало обидно, что так глупо и нелепо прошел вечер, вернее уже ночь. Она бы уже давно видела десятый сон в своей уютной постели. Вот что значит вовремя не сказать «нет». Теперь жди, когда соизволят тебя домой отвести».

Василий появился словно привидение. Нахлобучил ей на голову шапку.

– Замерзла? Держи, растеряха, я сейчас вернусь, – и опять исчез в мутной темноте.

Лида услышала, как захрустели у него под ногами сухие ветки. «Надо ж, приспичило, даже не постеснялся, тоже мне, ухажер. Хотя после такого возбуждения, не мудрено».

После произошедшего ей не хотелось ни думать, ни рассуждать. Единственное, чего ей хотелось– согреться. Испытание закончилось, осталось только дождаться, когда он нагуляется.

«Надо ж, повел испытывать за город, будто другого места не было. Мог бы, в конце концов, попросить Любку с Генкой уйти и испытывал бы. Дома хоть в тепле, а тут – на что он надеялся? Испытатель чудный. А может, он меня попугать захотел? – пришла Лиде в голову неожиданная мысль. – А я, как дура, слезу пустила…»

Василий появился откуда-то из-под моста. В руках он держал пушистую сосновую ветку.

– Держи, это тебе подарок на восьмое марта. Поздравляю заранее, потому что до восьмого уже уеду.

– Спасибо, – смутилась Лида, стыдясь своих мыслей по поводу его отсутствия. «Ну совершенно непредсказуемый товарищ. Вот спасибо Любке, познакомила … Что ж от него дальше ждать?»

Чтобы скрыть смущение, она подняла ветку над головой, стараясь поместить её в диск луны

– Красиво как? – И это была правда. Ветка в своей причудливой форме засеребрилась в лунном свете, излучая чистый, смолистый запах.

– Ладно, пойдем домой, у нас впереди ещё три с половиной дня, если считать сегодня, то все четыре.

Лида облегчённо вздохнула.

Обратно шли молча. Василий крепко держал её за руку, изредка сжимая пальцы так, что Лида вздрагивала от боли. Лида подносила ветку сосны к лицу, вдыхая терпкий смолистый запах.

Окна квартиры встретили темнотой, но двери были не заперты. У дверей он поцеловал Лиду нежным поцелуем, едва коснувшись губ, и это, простое вроде, прикосновение обожгло больше, чем мудреные поцелуи её прежних ухажеров. Потом взял Лиду за плечи, развернул, открыл дверь и втолкнул в комнату.

– Спокойной ночи. Я завтра приду, и в его устах это про-

звучало как приговор.

«У меня не спрашивает, хочу я, чтобы он пришел, или нет».

Девчата спали. Еще бы, ведь на часах уже четыре утра. С ума сойти! Не то, чтобы Лида никогда не гуляла до утра, гуляла, но без такого изматывающего напряжения. «Вот так погуляла! Спасибо тебе, добрая Люба, за такое прелестное знакомство с таким милым парнишей».

В комнате было прохладно, печь давно остыла, и Лида, чтобы согреться, легла в кровать, надев на себя теплый халат. Свернувшись калачиком, долго лежала, уставившись в стену, пытаясь разобраться в произошедшем. Но мысли никак не хотели сформировываться, они путались, перескакивали на другое. Собрать их было просто невозможно. Устав с ними бороться, Лида задала сама себе вопрос: «А что, собственно, произошло? Чего ты себя накручиваешь? Испугалась? Не надо ходить с незнакомыми молодыми людьми черте куда, тогда все будет, как ты хочешь. Привыкла, что курсантики, люди подневольные, не всегда даже с танцев провожать имеют возможность, командуешь ими, как тебе вздумается, а тут попала под влияние сильного мужика и струсила. Ладно, завтра никуда с ним не пойдешь, а там… он скоро уедет… Ну вот, ты уже решила не прогонять его, а только обезопасить себя, знать, запал он тебе в душу, иначе с чего бы ты его то оправдываешь, то осуждаешь…»

Последняя мысль, пришедшая в усталую голову, расстро-

ила ее окончательно:

«А ведь ты девочка не его боишься, ты себя боишься».

С ней она и уснула.

– Лид, а Лид, ну проснись же ты! Надо ж, нагулялась, бедная, не разбудишь! – Любка тормошила её за плечо.

– Ты когда явилась? Я тебя не дождалась, уснула. Она присела к Лиде на кровать.

– Ну, рассказывай, как там у вас, все получилось. Правда, парень просто прелесть? Ну, говори, чего молчишь?

Лида пыталась открыть глаза и никак не могла проснуться.

– Ну, было у вас что или нет? – продолжала допытываться Любка.

– Кто он? Что было? – переспросила Лида.

– Кто-кто, Васька, конечно, кто ж еще? Не выпендривайся – выкладывай!

– А что у нас быть должно? В смысле целовались или нет?

– Ну, и это, конечно, тоже, – сделала недовольную мину Любка. – Человек из армии пришел, изголодался по женщине, а ты заладила; «что должно, что должно», как попугай.

В мгновение Лида проснулась. Мучившая ее досада шквалом опрокинулась на Любку.

– А… ты думала, я сразу отдамся ему? На, бери меня, я твоя, вся без остатка, только тебя и ждала! Сваха недоделанная! Чего ты мною распоряжаешься? Прекрасно знаешь, что

я ни с кем не сплю. Почему ты решила, что ему сделаю исключение?

Видно, у Лиды было такое обиженное лицо, что Любка расхохоталась.

–Да ладно тебе, как маленькая! Выдумаешь, тоже! Он в тебя ещё в столовой втюрился, всё выспрашивал. Говорил: «Вот на ней я и женюсь».

Лида посмотрела на Любку долгим взглядом:

– И что ты ему рассказала?

– Что знаю, то и рассказала. Сказала, что женихов у тебя хватает, но серьезно ты ни с кем не встречаешься. А что девушка ты или женщина, откуда я знаю, я же в ногах не стояла, свечку не держала. Он мне ответил, что проверит. Ну, я сказала, смотри сам, я тебе не советчик.

Лида резко встала с кровати: «Дура или притворяется! Живем вместе, знает, что я ещё ни с кем не была; и мелет что попало. Ведь сдала меня Василию ещё в столовой, нагородив, бог знает что, а тут я со своей юбочкой и просвечивающейся курткой… Вот он и принял во внимание, а тут облом. Отчего бабы такие сволочи? Всё было подстроено заранее, потому он и молчал за столом, а я проглотила, доверчивая дура, как карась наживку … Единственное, в чем я перепутала их планы, мало выпила и подалась на улицу. А ушла бы за зановесочку, и он за мной – … пьяная, смотри и расслабится. Тфу ты! Ну, погодите, я вам покажу», – пригрозила девушка неизвестно кому.

Она налила себе чай и стала пить, не обращая внимания на Любку, которая обиженно молчала. Выпив чай, вкуса которого почти не почувствовала, снова легла в кровать. Хотела просто полежать, чтобы не видеть Любкино недовольное лицо, но неожиданно для себя снова уснула. Сколько проспала – не знает, проснулась от шума и топота в коридоре. «Вот это поспала.., что же ночь буду делать? Фу ты, испытатель вон уже приперся. Не встану, буду лежать, в конце концов, я ему ничего не обещала».

Натянув одеяло на голову, отвернулась к стене. Она слышала, как хлопотала Любка возле стола, как закипал на плите чайник. В животе заурчало так, что казалось, за столом слышно. «Пусть попьет чайку и уйдёт, всё и решится раз и навсегда! Эх! Где мой Женечка, он бы сейчас мне чайку с булочкой в кроватку притащил! Женечка – хороший, культурный мальчик, не то, что этот…испытатель».

За спиной зашуршала занавеска, Лида затаила дыхание: «Припёрся все же! Будем делать вид, что нам глубоко безразлично их присутствие, сразу сдаваться не будем».

Постояв несколько секунд, Василий подошёл и, присев на кровать, стал тихонечко стягивать одеяло с лица.

Притворяться уже не было смысла. Открыв глаза, Лида повернулась к нему, настраивая себя на войну, но то, что она прочла на его лице, привело её в полное замешательство: в нём светилась любовь и нежность. Все её воинственное настроение мгновенно улетучилось.

– Выспалась, соня! Вставай, мы вам мед и молоко принесли, не ела, небось, ничего.

«Вот те раз, под самый дых – не хотела? С кем воевать собралась, дура набитая».

– Давай, одевайся скорее, а то там желающих поесть хватает.

Выходные прошли как во сне. Сходили в кино, на танцы. Он больше не сверлил её своим испытывающим взглядом, а пытался постоянно кормить, чем смешил Лиду до слёз, грел её ладони своим дыханием и почти не целовал. «Боится, что ли? – недоумевала Лида. Какой он всё же непонятный, странный. Не наглеет. Значит, я ему действительно нравлюсь». Она уже обрела свою прежнюю уверенность, понимая, что победила, но что-то мешало ей торжествовать. «В общем, мы оба трусим, боимся расслабиться и отдаться чувствам. Боимся потерять контроль над собой. Ну что ж, если это судьба, то зачем торопить события, пусть идёт, как идёт. Надо постараться не влюбиться, а там видно будет».

Лида так и не поняла, почему после первого вечера не прогнала его и продолжает встречаться. Сказать, что он ей очень понравился – нет. Что-то поразило, а что..? То ли смесь дерзости и неуверенности в себе, то ли искреннее желание завоевать её сердце, то ли «материнская» забота.

Василий делал вид, что у них дело решенное. Лида не рисковала, и они наедине почти не оставались. Хотя Любка на-

мекала, что может им с Генкой пойти погулять, а они пусть не мерзнут на улице, а спокойно посидят в комнате. Лида понимала её хитрость и не соглашалась. Досада на подругу не проходила, было обидно, что Любка так активно содействует Василию, будто имеет от этого свой интерес.

«Сама с Генкой спит и меня хочет втянуть в бабские дела, не понимая, что мне это совсем не нужно, по крайней мере, пока. Вот выйду замуж, тогда всё и будет, а сейчас мне такие проблемы не нужны. Не хватало ещё забеременеть….»

Сегодня у них последний вечер, завтра он уезжает.

Весь рабочий день Лида провела в тревожном состоянии: этот парень что-то затронул в душе ей не ведомое. Он магнитом притягивал к себе и тут же отталкивал. Она впервые почувствовала власть мужчины над собой. Вспомнила его напряженное возбуждение – краска залила лицо, она хихикнула. Девчата, рассказывая про своих парней, упоминали об этом, но одно дело слышать, а другое самой прочувствовать. Сейчас, конечно, смешно, а в тот момент не до смеха было. «Хорошо, что он завтра уезжает, иначе я такого напряжения долго не выдержу».

Василий пришел за ней на работу и долго сидел в зале, ожидая, когда Лида сможет выйти. Девчата, как специально, не отпускали пораньше. По очереди ходили в зал, будто бы по делу, а проходя мимо него, посмеивались. Наконец Лиля смилостивилась.

– Иди, чего уж, сами всё тут закончим, а то помрет бедный, от нетерпения.

Они пошли к его дому, Василий хотел предупредить мать, что вернётся поздно. Когда он спросил Лиду не хочет ли она познакомиться с его матерью, Лида так неподдельно перепугалась, что он не стал настаивать. Осложнять себе жизнь Лида не хотела. Если судьба, придет из армии, может, она и согласится выйти за него замуж, а так знакомство это ни к чему.

Девчонки уже спали. Лида взяла свой стул, вынесла его в коридор. Василий уселся на него и посадил её к себе на колени. Господи! Он не целовал, он боготворил: касался нежно губами губ, глаз и смотрел, смотрел…

– Ну, что ты на меня, как на икону, смотришь, – смущалась Лида – не надо, прошу тебя!

– Ты не знаешь себе цены. Я такой ещё не встречал, как я без тебя буду эти длинные четыре месяца.

Он уткнулся лицом в её волосы и затих.

– Смотри, Василий, получается, что мы с тобой сейчас четыре дня вместе и четыре месяца в разлуке. Интересно, число четыре счастливое, как ты думаешь?

– Не знаю, знаю только, что четыре дня слишком мало, а четыре месяца слишком много.

– Да, – задумчиво протянула Лида. – Слушай! А что, если перевести четыре дня в часы, то получится почти целых сто часов, уже больше, правда? Сто часов счастья, разве этого

мало…?

– Ты меня ждать будешь? – перебил Василий.

Лида промолчала, не сразу сообразив, что ответить. Правды она сама не знала, а врать и обещать не хотелось. «Странно получается, – думала Лида, – впервые передо мной встала такая дилемма. И я не готова. Первый парень, который в серьёз хочет на мне жениться, а мне совсем не хочется замуж. Полгода назад я была бы счастлива, выйти замуж. А сейчас?»

Она тогда очень любила курсантика Володю, но он уехал, не предложив руки и сердца, хотя они встречались целый год, и все вокруг были уверены, что дело закончится свадьбой. Он, правда, написал потом, просил прощения, объяснял, что ещё молод и не готов создать семью, и что её он все же любил и даже сейчас любит и, возможно, приедет за ней, как только хорошо устроится. Лида тогда не ответила на его письмо и лишь презрительно бросила: « Не больно -то я и хотела…». Но сколько это ей стоило, не знал никто даже на работе. И вот теперь этот же вопрос, но уже с другим парнем, поворачивался совсем по-другому. «Господи, почему всё так несправедливо в мире?!»

– Ну да, какой же я глупый, разве такая девушка, как ты, может долго оставаться одна? – нарушил молчание Василий, выведя Лиду из задумчивости. Он нервно теребил пальцами сигарету.

– Конечно, кто я ..? Так, один из многих. Возле тебя вон, сколько парней вьется… Я же вижу!

Он вопросительно посмотрел на неё, ожидая, что она будет его разубеждать. Лида смущенно отводила взгляд и всё никак не могла решить для себя: дать ему надежду или нет. Она знала, что сейчас решаются их дальнейшие отношения, и нужно просто сказать «да» или «нет». Но единственное чувство, которое она сейчас испытывала, это чувство вины. Женским чутьем понимала, что вот она та любовь, которую ждут всю жизнь – бери, радуйся, но радости почему-то не было. Она так привыкла к ничему не обязывающим отношениям, к ничего не значащим словам, что оказалась совсем не готовой принять сильное серьезное чувство. Лида не очень верила, что так можно влюбиться с первого взгляда. Ей было жаль его, и другого чувства сейчас у неё не было. Как ни странно, но она была благодарна ему за тот первый их вечер в свете серебряной луны, он уже не вызывал возмущения, а, наоборот, утверждал в ней для неё же самой: она женщина, и её желал мужчина, гордый и самолюбивый. Сам не подозревая, Василий возвысил её в собственных глазах…

– Я буду писать тебе каждый день. А найдешь другого, приеду, – отобью. Без тебя мне не жить.

Он смотрел в окно, Лида не видела его глаз, но в повороте головы было столько горечи, что она поёжилась.

Где-то в глубине сознания мелькнула нелепая мысль: «Такая любовь до хорошего не доведёт. Она не сможет вынести

груза этой любви.» Мелькнула и погасла, то ли предупреждая, то ли приговаривая. «Господи, хорошо, что он уезжает, со временем я разберусь в своих чувствах, иначе б мне сегодня пришлось выйти за него замуж».

– Подари мне свое фото, – попросил Василий.

– Да, конечно, – засуетилась Лида, – сейчас принесу.

Она долго искала свою фотографию. Шарила в потёмках и всё никак не могла вспомнить: куда положила. Руки предательски дрожали, глаза наполнились слезами. Наконец фотография нашлась. Лида подошла к умывальнику, смыла с глаз потекшую тушь.

Он стоял на пороге и нервно курил. Взял фото, не глядя, положил в карман, потушил сигарету и впервые за четыре дня стал целовать по- настоящему, даже немного грубо. Всё повторилось с точностью того вечера на мосту, только сейчас он не испытывал её, а любил страстно.

И опять она неизвестно почему испугалась, боясь ответить на его поцелуй. В горле перехватило дыхание, сердце бешено колотилось. Чувствуя, как страсть захлестывает, и, понимая, если сейчас ответить, то случится непоправимое…Она резко отстранилась, чуть не упав со ступеньки.

– Прости, я дурак, я же вижу, что ты меня не любишь, и всё равно пристаю. Я тебя не тороплю, уеду, ты подумай, и если хоть немножко нравлюсь – напиши. Я сделаю всё, чтобы ты меня полюбила.

На лице у него обозначилась маска холодной надменно-

сти.

– Смотри, веди себя хорошо, – он дернул её за нос, как ребенка, – вернусь, отшлёпаю. Мне пора идти, а то мать будет беспокоиться. Не провожай – не надо, иди спать. Он развернул её на сто восемьдесят градусов и втолкнул в комнату.

Хлопнула дверь. Василий ушел.

Ватными ногами Лида прошла к кровати, не раздеваясь, села. На неё навалилось ужасное чувство вины. «Господи, кругом виновата! Женю обидела, этого обделила. С ума сойти можно! Чего они от меня хотят, медом я, что ли намазана?»

Она заплакала от обиды и отчаяния, от непонимания себя и своего легкомысленного поведения, его шокирующей страсти.

«Дура, влюбила парня в себя, подала надежду, и в «кусты. Убить меня мало, представляю, как ему сейчас плохо. Может, догнать, пообещать ждать, позволить делать, что ему захочется?»

Она вскочила с кровати, стала торопливо обуваться, кинулась к двери. Но у порога словно споткнулась, постояла, чувствуя, что не сможет сделать ни шага, уселась прямо на пол и тихо заплакала. Ну что, что мешает ей сделать то, что она считает правильным? Кто сидит внутри и принимает за неё решения? Откуда этот страх, страх раствориться в любви, покориться воле судьбы, просто переложить ответственность на другого человека. Он сковывал, мешал жить и на-

слаждаться жизнью. Она не верила, боялась поверить в счастье. Привыкла делать счастливыми других и как-то забыла про себя. И теперь, когда счастье оказалось так близко, была не готова его впустить, раствориться в нём да просто стать счастливой. И ещё стало понятно, что писать ему не станет. Это очень серьезно дать человеку шанс на надежду, заранее зная, что так, как он любит её, она его не сможет полюбить никогда, а по-другому ей не хочется!

Девушка сидела на холодном полу и плакала, ей было жаль себя, жаль только что отвергнутого странного парня, нарушившего её беззаботную, размеренную жизнь, которую она почему-то старательно усложняет. Она понимала, что сознательно отвергает только что зародившуюся любовь, к которой стремилась всё последнее время, и что короткие сто часов счастья она променяет на скучные отношения с Женечкой, ненавидя себя за слабость и трусость. И самое главное, что она поняла про себя: это страх серьезного, настоящего, глубокого чувства между мужчиной и женщиной, страх полюбить так, как смог полюбить её Василий, не раздумывая и не рассуждая.

Сто часов счастья, чистейшего, без обмана,
Сто часов счастья – разве этого мало..?